

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 22 июня 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 22 de junio de 2024

No 3224

В ЧЁМ БЫЛА СУТЬ КОНФЛИКТА С ДЕКАБРИСТАМИ?

*Ни в одной другой стране
пятью виселицами дело бы не
ограничилось.*

*(Граф Воронцов -генералу
Бенкендорфу, 1826 год).*

Когда в ходе несчастной для русской стороны битвы при Аустерлице Преображенцы и Семёновцы были прижаты к ручью и штыками отбивались от французских конных егерей и мамелюков, Цесаревич Константин Павлович командовал: "Выручайте пехоту".

Кавалергардский полк предпринял знаменитую самоубийственную атаку, впоследствии описанную в "Войне и мире" графа Толстого.

Полк потерял треть своего состава, но пехоту спас. Среди переживших этот день кавалергардов был штаб-ротмистр Василий Левашов, получивший за отличие в сражении орден св. Анны 3-й степени.

Семь лет спустя, при Бородине, в разгар третьей атаки французов на батарею Раевского, после гибели барона Лёвенвольде, полковник Василий Левашов принял командование полком, под картечным огнём перестроил тяжёлую кавалерию, повёл её за собой и опрокинул неприятеля, за что был награждён орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса и чином генерал-майора.

Позже Левашов командовал лейб-гвардии гусарским полком и сделал блестящую гражданскую карьеру, став генерал-губернатором трёх губерний и, наконец, возглавив Государственный Совет Российской Империи. При этом он был красив внешне и считался редкостным щеголем даже по кавалергардско-гусарским меркам. Он принадлежал к числу тех ослепительных героев, в которых с ходу влюбляются женщины и которым пытаются подражать мужчины. А его потомок, Всеволод Левашов, в XX веке участвовал в Белом Движении и редактировал газеты Ивана Солоневича, в том числе и "Нашу Страну".

В советском фильме "Звезда пленительного счастья" за сценой казни декабристов следует сцена извещения Царя Николая Первого об этом событии. На 75-ой минуте экранного времени какой-то смешной и нелепый человек бежит к Государю на прямых ногах, задирая их под углом 90° и одновременно отдаёт честь, держа руку у своей двууголки. На бегу он кричит с придыханием: "Свершилось!"

Это В. В. Левашов по версии советских кинематографистов.

Сыгравший генерала Левашова актёр Терехов вспоминал, что изначально его роль была совсем маленькой, но её расширили именно благодаря придуманной им для своего героя комичной походке. Примерно в таком же духе выдержаны образы всех противников декабристов в "Звезде пленительного счастья", но в первую очередь - образ самого Царя Николая Павловича. "Звезда" была снята к 150-летию восстания

декабристов и завершила формирование декабристского мифа в массовом сознании. Диффамация Императора и его окружения играет в этой картине не меньшую роль, нежели идеализация декабристов.

Актёр Костолевский в роли Анненкова скачет на коне за прекрасной француженкой под песенку о недолгом веке кавалергарда, Актёр Янковский в образе Рылеева смотрит в даль и произносит: "Я счастлив дважды умереть за Отечество".

Стриженов в образе Волконского с аристократическим бесстрашием бросает в костёр свой увешанный орденами мундир, Баталов в образе Трубецкого смотрит на зрителя глазами, в которых так ясно читается, что нужно всё изменить, но изменить ничего невозможно...

Ливанов в роли Царя Николая Первого то прячется от кого-то за шторкой, то отдаёт садистские приказы, то срывается на крик и называет свиньёй кого-то, кто перед этим назвал свиньёй его самого.

Сопоставление наделавшего столько шуму фильма "Союз спасения" Александра Кравчука со снятой сорока четырьмя годами раньше "Звездой пленительного счастья" Владимира Мотыля практически неизбежно. В "Звезде" созданы прекрасные женские образы, а в "Союзе" женских ролей крайне мало и их исполнительницам почти нечего играть. Зато в "Союзе" куда подробнее и убедительнее показаны Император Александр I и Милорадович. У "Звезды" более интересный и оригинальный саундтрек, но "Союз" динамичнее и зрелищнее. Костюмы и интерьеры, если не придирается к мелочам, вполне выдержаны в обоих фильмах (если же придирается, то и в "Звезде" можно увидеть совершенно анахроничные дамские туфли, и в "Союзе" носят усы в полках, в которых их не должны носить).

Кинематографические достоинства двух картин примерно равны. Если, конечно, судить их по нормам их же времени. При всём сказанном, я выбираю "Союз спасения".

Его кто-то назвал экранизацией Википедии. Пусть так. На мой взгляд, экранизация Википедии - это шаг вперёд по сравнению с фильмом, снятым по мотивам двух советских и одного французского романа. Раз уж Провидению было угодно, чтобы происшествие, имевшее место 14 декабря 1825 года, стало в русском сознании одним из ключевых событий отечественной истории, представляется желательным, чтобы мнение публики об этом происшествии соотносилось с реальностью хотя бы на Википедическом уровне. Это не значит, что "Звезда пленительного счастья" - плохой фильм. Отнюдь нет. "Звезда" - это хороший, но, увы, антиисторический фильм. В "Звезде" постоянно происходят вещи, которых в реале не было, а во многих случаях - и быть не могло. Князь Трубецкой 14

декабря 1825 года не был на коне (ни в каком смысле слова). Иркутский губернатор Цейдлер не был тем омерзительным пауком, которого так великолепно сыграл Смоктуновский; напротив, он был добрейшим человеком. Ивана Анненкова никто не избивал на его же свадьбе, эта абсурдная сцена могла родиться только в голове человека, имеющего совсем иной исторический опыт.

Что касается якобы содержащихся в "Союзе спасения" аллюзий на современную политическую ситуацию, для меня их не существует. Путин и Навальный кажутся мне не настолько интересными людьми, чтобы я вспоминал о них при просмотре фильма о Царе Николае Первом и Трубецком. Кстати, разного рода аллюзий было полно и в "Звезде пленительного счастья", но, как показывают многочисленные статьи и вызванные ими на просторах Рунета дискуссии, сегодня намёки и ассоциации, актуальные в 1975 году, то ли уже никому не понятны, то ли просто никого не интересуют.

Более того, сейчас зритель уже не вполне понимает сами кинообразы того времени. Создать на экране сколько-нибудь убедительный образ князя Трубецкого практически невозможно, ибо мотивы его поведения остаются предметом догадок. Баталов сыграл не столько Трубецкого, сколько не способного ни на какие действия советского интеллигента 70-х с печальным лицом и умными глазами (очень распространённый образ в кино того времени). Тогда публика узнала и приняла своего. Сейчас исчез сам этот типаж, и Матвееву в этой же роли просто нечего играть.

В "Звезде пленительного счастья" есть сцена заседания тайного общества. Крепостники жалуются друг другу на ужасы крепостного права ("Есть изверги, которые заставляют крестьянок вскармливать грудью борзых щенков," - дрогнувшим голосом сообщает Янковский, как всегда в этом фильме глядя куда-то в даль). На что-то успевает пожаловаться даже актёр Михаил Боярский в образе Якубовича с чёрной повязкой на голове (промелькнувший в этом фильме столь стремительно, что в титрах нет его имени).

В "Союзе спасения" в аналогичной сцене скучающие молодые аристократы пьют шампанское, дурачатся, говорят о том, о сём, и выражают неопределённое недовольство властью. Думаю, это на порядок ближе к реальности. В следственных делах декабристов есть многочисленные описания привлечения новых членов в тайные общества. Там зафиксированы диалоги в духе "Что-то скучно нынче в Петербурге, может, масонскую ложу создать," - "А я, братец, уже в обществе, хочешь к нам?" И правительственная, и антиправительственная пропаганда задним числом стали стилизовать

эти дурацкие развлечения под серьёзный разветвлённый заговор, но вообще-то до 1822 года тайные общества существовали в России совершенно легально, а позже запрет только добавил им популярности, сделав забаву даже более пикантной.

*...Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседания.
Пожало-ста молчи,
я слово дал молчать;
У нас есть общество,
и тайные собранья
По четвергам.
Секретнейший союз...*

Эти строки написаны Грибоедовым, весьма близким к декабристам, где-то между 1822 и 1824 годами и описывают те самые тайные общества, из которых историография впоследствии сделала "революционное движение".

Любопытно, что, когда дошло до дела, некоторые члены означенных обществ и вовсе оказались на стороне Царя Николая I. Например, утром 14 декабря 1825 года на Сенатскую гауптвахту заступил караул Финляндского полка - около сорока человек под командованием подпоручика Якова Насакина, посещавшего заседания Северного Общества. На протяжении всего восстания караул оставался на посту, в семидесяти пяти шагах от каре декабристов, но, невзирая на все призывы и угрозы, так и не присоединился к ним. За верность нижние чины получили по 50 рублей, унтер-офицеры - по 300, Насакин - орден св. Владимира и слова Царя Николая I: "Насакин, я тебя никогда не забуду" (военную службу Яков Насакин завершил в чине генерала и дожил до 98 лет).

Поэтому я бы не рискнул отождествить декабристов и членов тайных обществ. Это были люди с несколько иной мотивацией, нежели масонские идеалы равенства. Граф де ла Ферроне, посол Франции в России, монархист и близкий друг Цесаревича Николая, по горячим следам характеризовал декабристов следующим образом:

"Русские заговорщики в подавляющем большинстве принадлежали к привилегированному классу. Тенденция к ограничению привилегий аристократии, характерная для последнего царствования, судя по всему, была главным побудительным мотивом для подготовки мятежа. Революция, которую они собирались возглавить, замысливалась ими в интересах привилегированных классов, и именно это обстоятельство отличало русских заговорщиков от аналогичных им демагогов из других стран Европы. Недостаточная зрелость их планов, трусливое малодушие, проявившиеся немедленно раскаты ради спасения своих жизней, наглядно показывают, что эта революция не была серьёзной, и в этом её отличие от революций, происходивших в других странах."

Вероятно, фраза, которую мы выделили, звучит неожиданно для читателей, привыкших к несколько иной интерпретации мотивов декабристов, и нуждается в пояснении. Оным нам послужит “Меморандум о заговоре”, составленный британским посланником Эдвардом Дисборо в январе 1826 года. В этом документе содержится анализ по-литики Императора Александра Первого в отношении аристократии:

“Он намеревался создать третье сословие из казённого крестьянства и купечества. Он учредил гильдии, или отличительные категории среди купцов, в высшую из которых было позволено вступать дворянам и членам которой были присвоены дворянские права и отличия. Затем он пошёл еще дальше, продлив срок, в течение которого все лица, поступившие на военную службу, должны были оставаться в звании капрала. Он увеличил налоги с землевладельцев; он стал давать расточительной знати деньги взаймы под заклад. Поговаривают, что правительство с целью разорения дворянства тайком поощряло побеги и неподчинение крестьян; оно безусловно не предпринимало никаких действительных мер по их подавлению, ни войсками, ни каким-либо другим способом. Затем он увеличил выплаты по закладным, прибавив к существовавшей процентной ставке сумму, которую они выплачивать были не в состоянии. Существует мнение, что, пользуясь именем правительства, ломбарда и других учреждений, находящихся под его собственным контролем, он завладел одной десятой частью всего земельного имущества. Это число включает в себя надель, лишенные права на выкуп. **Действуя таким образом, он без помощи деспотизма ощутил приуменьшил власть дворян, хотя, зайдя в своих мерах слишком далеко, превратил некоторых из них в готовые орудия для всякого рода отчаянных авантюров.**”

Серьёзный разговор - это разговор о деньгах. Насколько я знаю, в начале XIX века рабочие в Санкт-Петербурге зарабатывали, в зависимости от квалификации, от 36 до 186 рублей в год (в среднем же - 80 в год), профессора получали, в соответствии с университетским уставом 1804 года, 2000 рублей в год. Жалованье пехотных офицеров в 1825 году составляло от 450 до 1200 рублей в год (в гвардейских и кавалерийских частях оно было несколько выше), годовой оклад генерал-майора был 2600, генерал-фельдмаршала - 8180 рублей. У князя Волконского было около полутора тысяч душ крепостных в Нижегородской и Ярославской губернии ... и 280 000 рублей долга. Эта сумма была сопоставима с его жалованием за сто лет (Волконский был генерал-майором). Разумеется, чтобы на-делать такие долги, нужно быть человеком по-своему выдающимся (в реале Волконский определённо не был тем аскетичным бледным меланхоликом, которого сыграл в “Звезде пленительного счастья” Стриженов, и жил куда веселее), но многие другие старались от него не отставать. В конце концов, и сам генерал Милорадович говаривал: “Какой же интерес жить без долгов?”

Если владелец полутора тысяч крепостных выступает за отмену крепостного права, то он, конечно, может руководствоваться и масонскими идеалами свободы, и христианскими идеалами ми-

лосердия, и много чем ещё, но в первую очередь им движет желание превратить полторы тысячи пейзаж в полторы тысячи арендаторов своей земли. Выгоды душевладения сильно преувеличены. Никакого экономического смысла во вскармливании борзых щенков женским молоком нет, а вот в неурожайный год помещику приходилось как-то кормить своих людей. В ряде российских губерний в XIX веке были районы, где земля с крестьянами стоила меньше, чем земля без крестьян... Впрочем, нам нет необходимости подробно разбирать аграрные проблемы позапрошлого века, ведь мы всего лишь обсуждаем фильмы.

Для наших целей достаточно констатировать, что декабристы стремились к отмене крепостного права не больше и не меньше правительства, а в случае успеха, вероятнее всего, не отменили бы его. Русское правительство и так и эдак подходило к решению сего вопроса 60 лет, но каждый раз отступало. Крепостное право оказалось намного легче учредить, нежели упразднить. Пример Европы демонстрировал, что замена старомодных феодальных повинностей финансовыми отношениями со свободными арендаторами весьма выгодна землевладельцам, однако в России массы освобождённых крестьян просто некуда было девать.

В России все называли крепостничество злом, но расчёты показывали, что его отмена может оказаться злом ещё большим.

Не стал бы я преувеличить и значение республиканских убеждений части декабристов. Взгляды - это всего лишь взгляды, они редко влияют на реальную политику. По взглядам более-менее республиканцем был и сам Император Николай Первый. В связи с этим часто цитируют его сентенцию “Я понимаю республику — это прямое и честное правление”.

О том, как мало могли изменить декабристы в России в случае успеха, свидетельствует тот факт, что они намеревались составить правительство из тех самых людей, из которых в итоге был составлен осудивший их трибунал (Сперанский, Мордвинов и т.д.).

Среди осуждённых был Иван Пущин, среди судей - его дядя Пётр Пущин. За сооснователя Союза Благоденствия Михаила Орлова ходатайствовал его род-ной брат Алексей Орлов, 14 декабря командовавший тяжёлой кавалерией Императора Николая Первого.

Всё это были свои люди до 14 декабря, и, если только между ними не возникло имущественных споров, как между соратником Царя Николая Первого Александром Чернышёвым и декабристом Захаром Чернышёвым, они остались своими людьми после 14 декабря.

Родившийся в Сибири сын Волконского получил обратно родовой титул, женился на внучке Бенкендорфа, занял ряд высоких постов и прожил достаточно долгую жизнь, чтобы быть запечатлённым на известной картине художника Ильи Ефимовича Репина “Торжественное заседание Государственного Совета 7-го мая 1901 года”.

Так в чём же была суть конфликта, помимо вполне обычного для многих монархических стран противоборства высшей аристократии и центральной власти?

В том, что русская монархия всегда была на стороне народа.

Б. Моравин

Трибуна Читателя

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Из достоверных источников мне стало известно, что сотрудникам Латвийской Железной Дороги предлагают подписать дополнительное секретное соглашение с работодателем. В нём говорится, что в случае начала Третьей Мировой войны они обязуются оставаться на рабочем месте и не покидать его.

В задачи сотрудников Латвийской Железной Дороги будет входить строительство железнодорожных путей для военных нужд и прочие схожие задачи перехода гражданской инфраструктуры «на военные рельсы». При этом, конечно, сотрудники ЛЖД дают подписку о неразглашении.

Латвия активно готовится к войне. Как и Литва с Эстонией. Об этом говорит абсолютно всё: и заграждения на пограничных постах, и строительство блиндажей, и намерения минировать мосты, перекапывать дороги у границы с РФ и Белоруссией.

Ощущение, что вопрос о будущем России и Прибалтики начинать теперь следует не со слова «если», а со слова «когда».

Алексей Стефанов

О ГАЗЕТЕ

Как всегда, восхищаюсь Вашим духовным подвигом в нашем возрасте (формально уже преклонном), перечитывая Вашу газету, ставшую нашей общей уже много лет назад. Савтораминеспору.

Однако часто подчёркивается в статьях Ваших авторов то, что СССР и Германия вместе напали на мученицу Польшу. Однако эта святая Польша передоным событием сама напала на Чехословакию и оттяпала у неё часть территории. После чего святая Англия отдала Гитлеру почему-то хранившееся у неё чехословацкое золото, похищённое чехами из России в первые послереволюционные годы.

К. Преображенский

От Редакции: Многоуважаемый Константин Георгиевич, мы находимся не в преклонном, а в непреклонном возрасте...

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ МИРА

Столетие назад революционеры “хакнули” систему Русской Империи, даже не греко-римский, а общечеловеческий исторический мир. Все основные институты многотысячелетней цивилизации были отменены.

Событие абсолютно уникальное, от которого началось тотальное расчеловечивание мира. А ведь идея была проста как пробка - давайте кал назовём золотом, а золото - калом, и нашлаём золотых унитазов. Давайте поставим зверьё в положение надсмотрщиков над людьми. Прошло сто с лишним лет. Кал в костюмах от Бриони всё так же пахнет и всё так же продолжает грабить, убивать, эксплуатировать и насиловать людей.

Время это не линейный эволюционный процесс, но круговые (иллюзорные, по большей части) колебания. Ни что не возникает “из ничего”, а всякое “ничто” - ничто всегда и навсегда. С которого немедленно сползают все

лицемерные культурные плёнки всякий раз, когда поставлены под вопрос сами основания его агрессивного псевдобытия, философские взгляды банды грабителей, воров и убийц на этот несчастный Богосотворенный мир.

А. Рейнеке

ДИНАСТИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Надеюсь, что ваше издание «Наша Страна» не обойдет стороной вопрос наследования престолом домом Романовых, в гипотетических для этого условиях реставрации русской власти и Исторической России, а также отдельной строкою то, чего, всё-таки не должно и не может быть. А именно, персона подходящего наследника. Ведь, если такового нет, то нет и самой России.

Нет смысла дебатировать её будущее вне монархической системы, которую нельзя восстановить, если в доме нет наследника (хозяина русской земли, в самом хорошем смысле слова).

И как вы относитесь к так называемому «русскому движению» в России? К русским националистам и монархистам? В кавычки взято потому, что там достаточно подставных людей. Однако, в целом, есть ли русский национал-монархизм современной России, сегодня, на ваш взгляд?

Р. Ликин

От Редакции: В России несомненно есть монархисты-почвенники, не заражённые советчиной, но это, увы, одиночки. Что касается “наследника престола”, не видно на горизонте никого достойного, могущего претендовать на сие звание. Быть может этот вопрос будет решён на Земском Соборе в послепутинской России...

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Что интересно - всеобщая эмансипация рабочих и крестьян и переход к массовому обществу не породили сотен пушкиных и чайковских, тысяч буниных и шаяпиных. Как была высокая человеческая культура свойственна и привычна одному проценту населения, так одному этому проценту свойственна и верна и осталась!

Зато появились тысячи Розенбаумов, Кобзонов, Лепсов, Буйновых, Басковых, “Землян” и вообще каких-то рэперов, белых негров. А ведь переход от традиционного общества к массовому стоил человечеству такой крови... Стоило ли стараться?

Зачем человеку, слушающему Шамана или Мишу Круга, уметь читать и писать, для чего?! Чтобы что? Чтобы строчить доносы на недавно посаженную в Москве и отбутыленную в тюрьме “организованную преступную группу поэтов”, на сбегавшего от мнения народного “иноагента-экстремиста” певца Бориса Гребенщикова, “писателя-террориста” Акунина или на вашего чёрного антинародной своей душой покорного слугу? Вопросы, вопросы на излёте Новейшего Времени и в преддверии Нового Средневековья.

А. Григорьев

ПРОФ. ИВАН ЕСАУЛОВ

ФОБИЯ К ХРИСТИАНСТВУ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Я исхожу из того, что любая идеология в той или иной степени тоталитарна, она стремится выбить из публичного поля «конкурентов» (приверженцев других идеологий). У меня же в прочтении художественного текста изначально была примирительная позиция: мне хотелось обозначить место в литературоведении (и — шире — в гуманитарных науках) принципиально разным подходам, чтобы их сторонники не сталкивались лбами, найти какое-то пространство для их мирного сосуществования. В общественной жизни мне это, в общем, не удалось. Потому что и время сейчас ожесточённое, как мне кажется, и в социуме нет никакого желания к общению вне тех или иных группировок. Это касается и науки, и даже внутриконтрессии церковной жизни, это какой-то постсоветский рок.

Я надеялся, что закончится советское время и можно будет монархистам, коммунистам, либералам, анархистам спокойно беседовать на разные темы, например, такие, как различные научные подходы к предмету изучения. Они совсем-то уж непосредственно ничьих жизней не затрагивают, мы ведь не делим нефть и газ. Но нет, невозможно всё равно.

Что же касается моей методологии, я скажу сначала о научности как таковой, о том, что такое гуманитарная наука у нас, как она сложилась. Надо трезво понимать, что мы находимся сейчас в методологически тёмном времени.

Если в середине 1990-х годов, когда я защищал докторскую, у меня были надежды на общий прорыв в области гуманитарной науки, образования, то, увы, они не оправдались. Нынешние «тёмные» времена проистекают из незавершённости переходного процесса в нашей области. В чём эта незавершённость? Советскую науку как таковую мы не будем сильно хулить, потому что она очень разная: достаточно высоко развитая в области негуманитарной (оборона, космос и т. д.), её представители с лёгкостью находили места в западных университетах.

И, напротив, гуманитарная наука в целом была на весьма низком уровне. Сейчас будет говорить: были же Аверинцев, Лотман, Бахтин, наконец, я ещё скажу, были же Лосев, Топоров, да, но всё-таки это периферия, а не её центр. А в центре гуманитарной науки было полное торжество совершенно определённой идеологии, считалось, что это фактически идеологические дисциплины.

Если совсем грубо сказать, то где-то в идеологическом отделе ЦК КПСС разрабатывалась доктрина, в идеологических институтах вроде ИМЛИ, ИРЛИ эта доктрина наполнялась концептуальным содержанием, а университетская профессура — это уже третий этаж, они, конечно, отчасти и наукой занимались, но главной их задачей было преподавать студентам то, что определено на этих более значимых этажах. Это касалось и литературы, и истории.

Когда сейчас пытаются этот общий идеологический фон забыть, это неправильно. Я занимался теорией, сознательно диплом писал по теории, которая была наиболее свободной сферой, она не касалась

скольких моментов истории, где все виляли — так или иначе. «Наиболее свободная» не означает, конечно, вполне свободная, но всё же.

Когда пришла перестройка и этот идеологический пресс был ослаблен, у нас наступила растерянность, которая длится до сих пор. Потому что раньше несколько поколений точно знали, что можно и чего нельзя говорить в сфере гуманитарных наук. Лосев, например, упрекал Аверинцева за то, что тот говорил зачастую прикровенно, эзотерическим языком. Лосев же, в свою очередь, так не мог, «у меня — опять символ, опять Церковь, опять Христос»... Но у меня какое-то предчувствие, что эта эпоха растерянности заканчивается. То есть то, что называется идеологией, возвращается. Причём открыто, не влезает в форточку, а торжественно входит в парадную дверь.

Представьте нынешнее поколение, выросшее в советские годы, пережившее распад Советского Союза: жили всю жизнь в аквариуме (или в террариуме, тут уж как назвать), а потом взяли вас отсюда и выплеснули вместе с вашей коммунистической идеологией в океан. Это породило очень странные вещи в нашей среде: вдруг полезли на методологическую поляну совершенные эпигоны, переводчики разных западных теорий, которые уже давным-давно на самом Западе (во Франции, в США) не то чтобы закончились, но споры о них закончились точно. И то, что постепенно от структурализма к постструктурализму переходило в борьбе или в сотрудничестве с герменевтикой, у нас вдруг одновременно возникло и окончательно многих коллег сбило с последних катушек.

Так вот раньше, после падения советской идеологии, какое-то время казалось, что у нас действительно будет прорыв в изучении не только русской, но и зарубежной литературы, потому что оно было абсолютно фальшивым, оно искажало свой предмет. Но этого прорыва не произошло, и я даже практически не заметил настоящей заинтересованности в организации этого прорыва. Сейчас немного ненормальная картина, когда параллельно присутствуют даже не разные варианты литературы или истории, а какие-то перпендикулярные варианты, без всякого диалогического обсуждения. В одной стране, когда не так уж много думающих учёных, нужно же хотя бы по фундаментальным вопросам договориться. А получается, что и это никому не нужно.

Может быть, и сама по себе наука уже не является важной. И сейчас мы находимся на стадии возврата к какому-то единомыслию. Надо бы понять, на самом деле — к какому? Я с тоской констатирую, что не только не была доведена до конца ревизия марксистско-ленинского подхода в наших науках, но начиналась ли вообще эта ревизия — в сознании тех, кому «доверено» определять направление наших гуманитарных наук? Не было официального признания того, что такие-то концепции истории литературы — чисто идеологические, я даже не знаю, откуда теперь такого признания ждать.

Проблема в том, что стандартный,

нормальный профессор-атеист — немец, англичанин, в меньшей степени — американец, если у него нет какого-то личного предубеждения против христианства, личной фобии к христианству как таковому, — понимает, что русская и европейская культура вообще-то христианская в основе своей, это самоочевидная вещь, у него нет из-за этого самоочевидного факта никакого внутреннего сопротивления. У нас же такой подход людьми с советским сознанием воспринимается как чужая идеология, соответственно, возникает сопротивление.

Я говорю: «Такой-то год от Рождества Христова», а собеседник разве только зубами не скрежещет, хотя ведь очень странно: какая же без христианского фундамента может быть русская культура?

Писатели могут сражаться с христианской традицией, но, чтобы сражаться, нужно всё-таки знать, с чем сражаться. Маяковский, например, составляет свою «змею двухметроворостую», и в этом сочетании-абракадабре мерцает православная церковнославянская традиция, проявляется посредничество между греческими (православными) языковыми конструкциями и русскими словесными формами. Даже у этого революционного автора была такая модель культурного сознания. И как это игнорировать в научном отношении?

Я всячески пытался, по крайней мере раньше, подчеркнуть, что мой подход не является единственно возможным, он не уничтожает другие подходы. Но чем больше я произносил извинительных слов, тем ожесточеннее была противная сторона. Наконец, мне надоело извиняться за то, что я пытаюсь напомнить или показать какие-то достаточно очевидные для любого непредвзятого человека вещи, а если кому и неприятна эта очевидность, то это его проблемы, а не проблемы русской культуры. Тут главный пункт состоит в том, что выросшие из христианства формы культуры не являются идеологией. А у нас, с одной стороны, те, кто против, подают это как идеологию, а с другой стороны, деятели, которые вчера были ком-сомольскими или партийными работниками, но которые теперь задействованы в церковных струк-турах, они тоже это понимают как идеологию. Одни люди — против, другие — за, но и те, и другие абсолютно превратно понимают православную основу русской культуры. Ну вот что бы вы делали на моем месте? Я пытаюсь в историко-литературном отношении «реабилитировать» эти формы жизни, а это воспринимается как чужая идеология, то есть православная жизнь и культура редуцируются до «идеологии».

А с другой стороны, со стороны официальных церковных структур и близких к ним *медиа*, поскольку я иной раз пользуюсь и постмодернистской терминологией, такой университетской манерой изложения, я становлюсь для них тоже чужим человеком. Потому что они порой тоже, к сожалению, работают в манере убеждения по старым советским лекалам.

Ведь другого-то многие из них в своей повседневности не застали, православная культура русского Зарубежья для них является по

разным причинам чуждой (если не сказать — чужой), а до-советская традиция прервалась.

Поэтому для некоторых моих коллег из православной среды я — совершенный модернист или даже постмодернист. Они хотят, чтобы было всё просто: «у Чехова — так-то, у Гоголя — так-то, этот — спасётся, этот — погибнет, это надо и студентам говорить, чтоб они точно знали». Я это в какой-то степени связываю также с крайне агрессивной средой наших «структур повседневности»: у нас даже на улице, в бытовой жизни, в разговорах нет мягкости по отношению друг к другу, как и иронического отношения к себе.

У нас сейчас также нет понимания, что и православная традиция была очень разная: на Дону и на суровом русском Севере, например; у дворян, у купечества, у крестьян.

Моя позиция такова, что нужно любой ценой сохранять личную свободу, которая в данном случае выражается в личном мнении.

Мне легко так говорить, но, чтобы иметь право так говорить, мне пришлось в некотором смысле в своё время пожертвовать своей профессиональной карьерой. А всё-таки нужно сохранять свою свободу любыми способами.

Я думаю, мы стоим на пороге существенных изменений. До этого четверть века назад было вообще все зацементировано, но сейчас что-то начнёт происходить, несмотря на отмечаемую мной регенерацию советских форм сознания. Может быть, станет ещё хуже, даже и резко хуже, но всё равно — в каком-то смысле — это «лучше», чем болотная трясина, в которую тебя как будто бы прямо за ноги затягивают. Ведь это все как-то неправильно: какая-то вялотекущая шизофрения, она скучна даже как шизофрения. Она должна измениться, поэтому нужно быть более свободными людьми. Не бояться. Главное — не бояться, внутренне не бояться.

Это трудно, потому что давление среды очень сильно, но это самое главное. Что касается грядущих перемен, надеюсь, что, может быть, и я что-то такое увижу.

Неологизмы Эрефии

«Отчебурашим» и «набутылим», — про бутылку и кувалду и их специфическое использование в нынешней РФ знают все.

«Хорошелении» — этот неологизм пришёл на смену «рукопожатным», он о людях из интеллигентных, стареющих игнорировать их и их коллективное безумие семей.

Так же «захохлы» (всё европейское человечество плюс русские релоканты) и «передок» (в двойном значении человеческого лобка и линии соприкосновения на войне — вспомним их крылатое выражение «нравится не нравится терпи моя красавица», сказанное Путиным о войне, то есть они открыто заявляют себя военно-сексуальными насильниками и война для них это насильственный, кровавый «секс»).

«Ждун» — тот, кто молчит о «Специальной Военной Операции», но от кого можно ждать нож в спину в случае её провала.

С нормальными людьми ли мы имеем дело, с человеческой лексикой? Конечно, нет.

Д. Карамышев

ПУТИН ОПУСКАЕТ РФ НА УРОВЕНЬ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Парадоксы рынка: среднестатистического жителя РФ окружает техника из Южной Кореи. Телевизоры и пылесосы Samsung, автомобили Hyundai и KIA, строительная техника Hyundai и Daewoo. Но договор о стратегическом партнёрстве Путин поехал заключать с Северной Кореей.

«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Какой же это фарс и абсурд. Путин ищет союза с Северной Кореей, где за вояж не протёртые фото вождей в собственном доме могут посадить в концлагерь.

Путину за последние 20 лет удалось невозможное – отправить в сталинское прошлое Российскую Федерацию с её 140-миллионным населением. И вот армия РФ уютит Украину северокорейскими ракетами, а Путин в рейтинге главных упырей планеты сместил с пьедестала всех диктаторов, включая Ким Чен Ына. Такую вот «эволюцию» проделала страна за эти 20 лет.

Лучшее развлечение прежних юных сборищ было чтение вслух журнала «Корея». Редкий человек мог выдержать и прочесть пару абзацев без смеха. И это на фоне-то советских газет, ленинского университета миллионы, международной панорамы с тем, что не всем американцам удастся пережить эту холодную зиму, к нескорой весне... Интересно, что Северная Корея была какой-то адской пародией на СССР и, кажется, что даже брежневско-андроповская власть это понимала и стеснялась этого бреда. А для этой власти – нет ничего стыдного и невозможного.

Мелкий тщеславный вождь, почестей ему не хватало с европейцами и американцами. Хотелось азиатского стиля, чтобы стоял на трибуне, а внизу тянул ножку караул, и холопы хлопали в ладоши. Так утянул страну с цивилизованного пути развития в красную азиатскую деспотию.

Путин не на самолете в КНДР путешествовал, а на машине времени. КНДР – это Россия будущего, которую он создает. Это ещё в лучшем случае, в худшем – ядерная война и выжженная земля на всём построссийском пространстве.

Это не Путин в КНДР поехал, а вся РФ туда уже давно едет с ускорением. Все там будут и скоро. Великий вождь Путин уверенно ведёт страну по пути чучхе. И доведёт. В КНДР тоже не сразу начали траву есть. Но пришлось. Где чучхе, там и голодуха. Не сразу, но обязательно.

Визит Путина к Киму – не реставрация советского, а, как сказали бы филологи, – гиперкоррекция, реставрация с гаком – не советской реальности, а нынешнего мифа о ней.

Хоть перед приездом в Пхеньян Путин и подписал для главной северокорейской газеты статью, прославляющую традиции дружбы и сотрудничества обоих народов, в настоящей советской реальности руководители Кимов не любили и презирали, пре-красно понимая, даже те, кто Маркса не читал, что ничего даже остаточного марксистско-ленинского в этой их чучхе нет, а есть варварство и наглость ничтожеств у власти, которую терпят по геополитическим причинам.

То есть в коммунистическом лагере, в отличие от романтизированного Кастро или восточноевропейских социалистических бюрократов, Кимы всегда были в роли своего сукиного сына. Ни один советский руководитель за все десятилетия дружбы и сотрудничества не приезжал в Северную Корею.

Советские люди, даже простые, над Кимами тоже смеялись, а северных корейцев снисходительно жалели – ещё до перестройки, просто листовая страничка журнала «Корея сегодня», обычно для утешительного смеха – вон еще какой идиотизм в мире есть, у нас ещё ничего.

Заезжая к Киму, воспевая его как замечательного друга и настоящего коммуниста, Путин не воссоздает советскую реальность и советские отношения, а создает новую.

Привыкнув к тому, что в КНДР красные флаги, портреты и чучхе, мы по умолчанию исходим из того, что в нынешней паре Путин-Ким – лидер РФ прагматик, а корейский – идейный, ведь это у них там портреты вождей, красные флаги, пионеры в галстуках и партия у власти.

В действительности всё наоборот. Кима в швейцарской школе учили совсем не чучхе. Далёк от этого и хорошо описанный подлинный круг его интересов. Он получил идеологию в наследство вместе с властью и использует её как инструмент удержания власти, попросту личного спасения, которое без власти под вопросом. Точно так же он получил в наследство международную изоляцию.

В отличие от Кима, Путин создал международную изоляцию сам, это его выбор, его антизападничество свежее, неофитское, страстное.

Он сам строит режим, его идеологию и институты, это не наследство, а собственных рук дело. Так или иначе, но заключён стратегический любовный союз с самой уродливой, опасной, нищей, и неменяемой страной. Это откровенное признание путинской Эрефии своей уродливости, опасности, неменяемости и зависимости.

Многие отмечают, что помощь КНДР может быть

очень важной для хода войны на Украине, хотя, с другой стороны, осложнит отношения с Южной Кореей, Японией и даже Китаем. Надо отдать должное Путину – он последователен. Его обещание о готовности помогать всем врагам Запада стрелять по Западу всем, чем РФ богата, дополненное фрейдистским постом Д. Медведева о том, что РФ будет гадить Западу на суше и на море, и, если будет надо нагадить на пляже, то не остановится и перед этим, замкнулось, наконец, стратегическим союзом с КНДР.

Это давно готовившийся экспромпт как раз на тот случай, когда нужно показать Западу, что РФ шита не только лыком, но еще и ядерными бомбами. РФ движется на Восток не с самостоятельной стратегической повесткой, а с целью «насолить» Западу.

Если Европу нельзя похитить, то её можно «достать» на Востоке. Уязвимым местом этой стратегии является то, что Восток – дело тонкое. КНДР может не вынести двоих стратегических партнеров сразу. Слишком усиливаясь в Пхеньяне, Москва может случайно наступить на мозоль Пекину, а это в положении Путина – дело рискованное.

Он «не исключил» военнотехнического сотрудничества с Северной Кореей. Собственно, за этим сотрудничеством он и приезжал, ничего другого в КНДР особо и нет, если только Ким Чен Ын не рискнёт отправлять в клоаку империализма миллион-других своих рабочих. Кстати, несмотря на заверения и клятвы в вечной дружбе, РФ для идеологизированного насквозь северокорейского режима – случайный попутчик, так как для него является капиталистическим и империалистическим государством. Поэтому если гастарбайтеры и поедут, то будут вести абсолютно замкнутый образ жизни, минимально соприкасаясь с окружающим враждебным пространством. И наверняка на каждые пять работников будет приходиться один контролёр из органов государственной безопасности, один парторг и все пятеро будут стучать друг на друга в ежедневном режиме.

Весь антураж поездки в Северную Корею не заслоняет прикурного факта, что президент сверхдержавы поехал побираться по медвежьим углам за военным имуществом, так как со своим дела обстоят сильно неважно.

Цель Путина понятна и очевидна. Северная Корея является крупнейшим хранилищем вооружений советского образца. Ким владеет чудовищным по масштабам арсеналом, в том числе, артиллерийских снарядов, которые нужны Москве для продолже-

ния войны на Украине.

Скорее всего, РФ получит и снаряды, и баллистические ракеты. Что взамен? Взамен, вероятно, деньги и технологии.

Иран не побрезговал взять оплату за свои «Шахеды» даже золотыми слитками, и Ким не побрезгует. Но, в отличие от Ирана, КНДР уже обладает ядерной бомбой, и ей нужны технологии производства средств доставки этой бомбы, которыми Москва вполне может поделиться и с этими людоедами.

Путин продолжает рушить весь миропорядок, и ценой этому может быть начало самой настоящей ядерной войны.

После этого он собирается во Вьетнам, в котором он последний раз тоже был чёрт знает когда. Похоже у дяденьки подгорает и он уже сам лично поехал выскребать до доннышка сусеки у своих последних «друзей». До сих пор, как мы помним, у него эту роль исполнял министр Шойгу.

По всему похоже, что модель накачки экономики бюджетными деньгами исчерпала себя, а Центральный Банк РФ честно признался, что не может остановить инфляцию. В то же время Запад продолжает наращивать свои военные поставки для Украины и для того, чтобы адекватно ответить на этот поток оружия Путин и отправился в закрома к своим корешам.

В сети проскользнула информация, что будто бы из Северной Кореи в РФ уже прибыло какое-то невероятное количество контейнеров с боеприпасами. Была даже оценка в 5 миллионов снарядов. Может быть Ким решил весь свой арсенал отдать Путину в обмен на еду?

Что означает, что дела у него совсем плохи и он стоит перед непростым выбором: либо уморить с голоду собственное население, либо остаться в своем извечном противостоянии с Южной Кореей вовсе без снарядов. Впрочем, скорее всего, ни о каких 5 миллионов нет и речи.

А вьетнамцы вероятно Путину вежливо откажут: зачем им проблемы с Западом? Ведь Вьетнам вполне справедливо полагает, что с учётом того, что Китай фактически находится в состоянии торговой войны с Западом, у Вьетнама есть прекрасный шанс заместить его на западных рынках в качестве «всемирной мастерской».

Заметим только, что в рамках этого путинского турне посещение Пекина не предусматривается. Как это трактовать – неизвестно.

Может и так, что Китай решил умыть руки и не стал спасать своего северного соседа. Мол, наше дело – сторона, нас и так из-за тебя выкидывают с рынков Америки и Европы.

Николай Греков